

СЕМЬЯ И ЛИЧНОСТЬ

С.И. Голод

СОВРЕМЕННЫЕ НЕМОНОГАМНЫЕ МОДЕЛИ СЕМЬИ

Аннотация. В статье проводятся различия между неполной семьей и «материнской», отмечается новая разновидность такого рода семей и их особенности: в городских условиях образованность обоих полов и экономическая самостоятельность супругов, необязательность легитимных оснований отношений, как сексуальное, так и интимное многообразие. Это многообразие дополняется нередкой сменой партнерства, т. е. полигамностью.

Ключевые слова: полигамность, эгалитарность, интимность, автономность, психологическое созвучие, патриархальность, супружество, эротика, личностная самореализация

Расширение свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни супругов повышает индивидуальную ответственность за последствия сексуальных практик и эффективность планирования сроков появления потомства. Вследствие чего среди молодого поколения получили распространение альтернативные модели организации приватной жизни. Другими словами, практики молодежи не ассоциируются с одной-единственной жестко закрепленной моделью брака — патриархальной, за которой была четко закреплена известная последовательность: *брачность—сексуальность—деторождение*. Сегодня в индивидуальной биографии человека фиксируется значительная вариабельность жизненных исходов.

Фактически низкая рождаемость означает почти полную обособленность *сексуального поведения от прокреативного и тем самым — повышение его самооценности*, другими словами, гедонистической составляющей.

Союз мужчины и женщины, требующий глубинного психологического взаимопонимания, открывает возможность для брачных уз без их официального закрепления (т. е. их легитимного подтверждения). Прежний малоподвижный брак, в который раз и навсегда втиснута личная жизнь каждого, перестает удовлетворять человека, с детства привыкающего к разнообразию и динамизму городского образа жизни. И порой еще недавно осуждавшиеся поведенческие модели превратились в образцы для каждодневного проявления.

Отсюда возникающий для многих вопрос, какие из моделей лучше или хуже: традиционные или модернистские? Кризис «патриархальной» семьи был порожден не тем, что она была «плохой», а тем, что она перестала соответствовать изменившимся социальным и экономическим условиям. Но это вовсе не означает, что современные формы организации личной жизни, брака и семьи, вписывающиеся в настоящие образцы поведения, не принесли с собой новых напряжений и проблем. Просто, если для «традиционного» брака были характерны высокая степень кооперации и низкая потребность в автономии, то в современном супружеском (эгалитарном) браке основной «скрепкой» психологической солидарности супругов как партнеров служит *автономия* (самостоятельность) и *интимность*.

Для нас сегодня важно установить переходные модели, которые, с одной стороны, как будто бы близки к традиционным формам, а с другой — на первый взгляд выглядят экстравагантными.

Остановимся сначала на так называемых «внебрачных» моделях, в первую очередь на «неполной» (incomplete) и «материнской» (maternal) семьях.

«Неполную» форму нельзя приравнять к «материнской» уже потому, что у них разный генезис. Действительно, материнская семья, условно говоря, изначально безбрачна, тогда как неполная — не что иное как «осколок» моногамии.

Источник формирования неполных семей легко понять — овдовение и разводы. По подсчетам московского демографа А.Г. Волкова, к 75 годам в России распадаются все браки. При этом в конечном счете 23% браков прекращается из-за смерти жены, 53% — из-за смерти мужа и остальные 24% — из-за разводов¹. Не секрет, что в течение репродуктивного периода развод сегодня — по-прежнему основная причина прекращения брака. Лишь в дальнейшем, примерно к 40-му году

---

¹ Волков А.Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль. 1986. С.193.

супружеской жизни когорты, он уступает место овдовению; причем вдовство — чаще удел женщин. Так, вдов среди них к 40 годам больше, чем тех, кто никогда не состоял в браке, а после 50 лет больше, чем разведенных².

Согласимся с мнением демографов: здоровье населения России, в настоящее время в большой мере определяется биографией поколений. Жители страны пережили в XX в. первую и вторую мировые войны, гражданскую войну, голод 20-х, 30-х и 1947 гг., войну в Афганистане, Челябинскую и Чернобыльскую экологически значимые катастрофы. Помимо того, уровень здоровья населения, несомненно, ухудшался в результате испытания ядерного оружия, загрязнения окружающей среды, низкого качества продуктов питания, нерационального гигиенического поведения³. Вопреки всему сказанному, тем не менее, нет оснований трактовать овдовение в фаталистическом духе, напротив, это явление отчасти регулируемое. Имеются реальные предпосылки к снижению уровня смертности (и в первую очередь мужской) в трудозрелых возрастах. Создание условий, способствующих самосохранительному поведению, — преимущественно прерогатива общества, его активной социальной политики.

Статистические показатели свидетельствуют, что вплоть до Второй мировой войны ожидаемая продолжительность жизни при рождении оставалась в России значительно ниже, чем в западных странах. Но, благодаря явным успехам послевоенной медицины, Советскому Союзу удалось практически ликвидировать свое отставание к середине 60-х гг. В 1965 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла в СССР 64,3 года против 67,5 во Франции и 66,2 в США, а для женщин соответственно 73,4 года против 74,7 и 73,7. Во второй половине 1960-х гг. рост ожидаемой продолжительности жизни во всех трех странах приостановился. Успехи в борьбе с инфекционными заболеваниями, связанными с широким применением антибиотиков, достигли предела. С этого момента, и надолго, первое место среди причин смертности заняли сердечно-сосудистые заболевания и рак, а экономические и социальные изменения привели к усилению влияния таких неблагоприятных факторов, как алкоголизм,

---

² Тольц М.С. Сокращение овдовения как фактор укрепления семьи // Механизм совершенствования управления социальной сферы социалистического общества. М., 1987.

³ Демографические перспективы России. М.: Респуб. информационно-издательский центр. 1993. С. 20–27.

курение, дорожно-транспортные происшествия и насильственные причины смертности. В сложившихся условиях возобновление роста ожидаемой продолжительности жизни было возможно только в результате установления контроля над новыми факторами риска и эффективной борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями и раком. Именно этого удалось достигнуть в большинстве западных стран и не удалось в России⁴.

Индивидуальное здоровье приобретает в современном мире нарушенного экологического баланса особую роль для раскрытия способностей и потребностей личности. Осознание каждым человеком ответственности за состояние своего здоровья трудно переоценить. Как свидетельствует исследование «Демографические перспективы России», опубликованное в 1993 г., чем выше культурный и образовательный уровень отдельных групп населения, тем выше уровень охраны собственного здоровья и, соответственно, ниже уровень смертности.

Теперь столь же коротко остановимся на проблеме разводов. В течение второй половины XX столетия в нашей стране наблюдается неизменно высокое абсолютное и относительное число разводов. Вот лишь несколько цифр. В Российской Федерации на 1000 населения приходилось: в 1980 г. — 4,2 разводов, в 1985 г. — 4,0, в 1990 г. — 3,8 и в 1991 г. — 4,0. По этому показателю Россия в целом превосходила все бывшие республики СССР, кроме Латвийской; опережала практически все европейские страны, уступая лишь США, где в 1980-е гг. указанный индекс колебался вокруг 5⁵. С 1991 г. кривая разводимости пошла вверх, и к 1994 г. впервые уровень разводимости превысил половину от общего числа браков (точнее, 51 развод на 100 браков)⁶. Эта тенденция, безусловно, подтвердила зарождение новой волны *семейной модернизации* — наличие детей все в меньшей степени служит препятствием для развода.

Практическая неизбежность овдовения и развода указывает на закономерность воспроизводства «неполных» семей и в будущем. При этом, если в первой половине XX в. неполные семьи были главным образом результатом овдовения, то начиная со второй половины —

⁴ Население и общество // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. М.: ИМП РАН. 1996. № 13.

⁵ Население России. Ежегодный демографический доклад // Евразия, 4 / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М. 1993: С. 26.

⁶ Население России 1996 // Ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 1997. С. 64.

развода. Такой расклад характерен для всех индустриальных стран. К примеру, во Франции до начала 1960-х гг. больше половины так называемых «монородительских» семей были вдовцами или вдовами. В 1970-х гг., напротив, большинство глав таких семей официально считались разведенными или фактически развелись, и только четверть из них составляли вдовцы⁷.

Наиболее острая проблема неполной семьи, возникающей вследствие развода, — с кем из родителей проживать ребенку. Не будем лукавить: после расторжения брака ребенок, как правило, остается с матерью. Отец при этом, по традиции, должен оказывать материальную помощь ребенку. В нашей стране дети передаются на воспитание отцам лишь в исключительных случаях — когда мать страдает алкоголизмом или психически нездорова. Доля отцов, остающихся с детьми, по некоторым оценкам составляет менее 1%⁸. Обнаруженная асимметрия в пользу матери носит почти повсеместное распространение, однако разброс удельного веса семей «отец—ребенок» значителен: в России, как уже отмечалось, около 1%, тогда как в США — 10%. Причины этой половой дискриминации многообразны, но главная, по крайней мере, у нас, — в стереотипном восприятии понимания «образа матери» и ее бессознательной поддержки судьями, которые в большинстве своем женщины. В результате, по мнению Т. Гурко, «разлад» в супружеских отношениях дополняется кризисом родительства.

У «одиноких» матерей трудные проблемы возникают в эротико-сексуальной сфере. Сошлюсь вновь на результаты эмпирических исследований Т. Гурко. По ее данным, почти половина опрошенных ею женщин были не прочь выйти замуж, остальные «пока не хотят» и лишь 12% — «не хотят вообще». При этом каждая пятая переживала за судьбу своего ребенка в потенциальном повторном браке. Другими словами, у них возникали противоречия между родительским долгом и желанием личного счастья, что и создает, разумеется, стрессовое состояние.

Перманентность овдовения (обусловленного меньшей частотой женской смертности) и потенциальная возможность повторного брака (под влиянием стремления мужчин к сексуальному разнообразию),

---

⁷ Ивер-Жалю Э. Монородительская семья во Франции // Социологические исследования. 1991: № 5. С. 118.

⁸ Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. М.: Центр общечеловеч. ценностей. 1992. С. 8.

полагаю, и в будущем не только смягчит проблемы обсуждаемых моделей семьи, но и обострит их вариабельность.

Столь же лаконично остановлюсь на «материнской» семье. О представительности такой модели семьи свидетельствует статистика «внебрачной» рождаемости. Доля детей, родившихся в России вне юридически оформленного брака, увеличилась с 1980-го по 1995 г. с 10,8 до 21,1%, в том числе в городе — с 9,6 до 21%, в сельской местности — с 13,4 до 21,3%⁹. Разумеется, в разных регионах страны эти цифры несколько разнятся. К примеру, доля родившихся вне юридически закрепленного брака в 1975 г. в Ленинграде составляла 5%, в области — 8%, а в 1990 г., соответственно, в Ленинграде — 15%, в области — 12%¹⁰. Тогда как по данным Республики Коми с 1991 по 2001 г. удельный вес «внебрачных» рождений среди городского населения вырос на 99,4%, в то время как среди сельского — на 123,4%. В целом по Республике Коми на протяжении 14 лет (с 1991-го по 2005 г.) прирост уровня «внебрачной» рождаемости составил 116,7% в городе и 145,4% на селе¹¹. По мнению Л.А. Поповой, «во второй половине 1980-х гг. в стране произошел некий информационный прорыв в массовом сознании, касающийся сексуальной сферы жизни населения <...>. Развернувшись на фоне низкой общей и контрацептивной культуры населения, она непосредственно отразилась на стандартах сексуального, матримониального и репродуктивного поведения <...> Росло число браков, стимулированных добрачной беременностью невесты»¹².

Полностью с этими утверждениями трудно согласиться. Несмотря на рост числа молодых людей, вовлеченных в сексуальную практику, не произошло умножения абортированных. Происходит снижение интенсивности искусственного прерывания беременности во всех возрастных группах женщин (с 15 до 30 лет), что, вопреки мнению Л.А. Поповой, свидетельствует, наоборот, о росте контрацептивной культуры. Суммарный коэффициент аборт — показатель, не зависящий от возраста женщин — опустился с 3,4 абортов в среднем на одну женщину репродуктивного возраста в 1991 г. до 1,8 аборта в 2002 г. То есть при сохранении нынешней ситуации одна российская

⁹ Население России 1996. С. 87.

¹⁰ Основные показатели демографических процессов в Ленинграде и Ленинградской области: Статистический сб. М.: Госкомстат России, 1991. С. 76–78.

¹¹ Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. Сыктывкар, 2007. С. 10.

¹² Попова Л.А. Указ. соч. С. 11.

женщина к концу репродуктивного периода сделает в среднем около 2 аборт.

Половина учтенных аборт приходится на возрастной интервал 20–30-летних. Как показал опрос в рамках проекта «Мать и дитя» (Республика Коми), средний возраст женщин, делающих аборт, равен 27–29 годам. Число зарегистрированных аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста колеблется от 41 в Южном федеральном округе и 44 в Центральном до 65 в Дальневосточном федеральном округе. Самые высокие показатели аборт (более 70 на 1000 женщин) зафиксированы в Республике Удмуртии, Амурской области, Хабаровском крае и Еврейской АО.

Опыт многих стран показывает, что реальной альтернативой прерывания беременности служит ее предупреждение. За последние десятилетия в мире произошла настоящая «контрацептивная революция», правда, Россию она затронула в меньшей степени. С некоей долей оптимизма можно заявить, что по сравнению с 1980-ми гг. структура контрацепции в нашей стране изменилась в лучшую сторону (см. табл.7).

Таблица 7

Доля женщин в РФ, использующих методы контрацепции, в возрасте 15–19 лет, в процентах (по данным Минздрава РФ на конец года)

Виды контрацепций	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2000 г.
Внутри-маточные спирали	18,2	19,1	19,4	19,4	18,9	18,5	17,8	17,1	16,5	16,2	15,6
Гормональная контрацепция	2,1	3,0	3,0	3,6	4,6	5,9	6,8	7,1	7,2	7,2	7,8
Введено ВМ (на 100 женщин)	4,2	4,1	3,5	3,2	2,6	2,0	2,2	2,0	1,9	1,8	1,6

Источники: 1) Stérilet; 2) Contraception hormonale; 3) Stérilet nouvellement adopté pour 100 femmes (нами приводится по бюллетеню «Население и общество» Центра демографии и экологии человека ИНХИП РАН, № 75, сентябрь 2003, ред. А. Вишнеvский).

Вернемся к проблеме внебрачной рождаемости.

Согласно замечанию отечественных демографов Г.А. Бондарской и Л.Е. Дарского, в промежутке между серединой 40-х и 60-х гг. XX столетия число внебрачных рождений резко снижалось, а затем стало вновь постепенно расти — при этом в последнем десятилетии более быстрыми темпами, чем число брачных рождений. В частности, с 1980 по 1987 гг. при росте всех рождений в России на 13,5% число рождений у состоящих в зарегистрированном браке выросло на 11%, а у состоявших в нелегитимном браке — 33,6%¹³. Рост доли внебрачных рождений, само собой разумеется, не чисто российское явление. Он свидетельствует о *более общих переменах, происходящих с современной семьей*. На самом деле подобная кривая отмечена во многих индустриально развитых европейских странах. Так, с 1965 по 1985 гг. доля внебрачных рождений увеличилась в ФРГ с 4,7% до 9,1%, в Австрии — с 11,4 до 22,3%¹⁴; с 1970 г. до середины 90-х гг. в Великобритании — с 8 до 32%, во Франции — с 7 до 35%, Венгрии — с 5 до 19% и Швеции — с 18 до 50%¹⁵.

Наибольшее распространение «материнская» семья получила среди 15–19-летних подростков и после 35 лет — у «зрелых» женщин. У первых такая «скупенность» объяснима, скорее всего, неопытностью, т. е. случайностью зачатия; у вторых «внебрачная рождаемость» — результат не всегда осознаваемой потребности в детях. Относительно второй категории женщин, не боясь ошибиться, можно утверждать — рождение ребенка вне брака и его социализация не что иное, как актуализация их устремленности к гендерному равенству. Насколько безобидна эта тенденция? К сожалению, в данном контексте я вынужден ограничиться лишь констатацией фактов.

Постоянство, с которым в относительно большей мере воспроизводится «материнская» модель, несомненно, указывает на *либерализацию общественного мнения* по отношению к родительнице, имеющей ребенка от юридически неоформленного отца. По одному из свидетельств, в России незамужних матерей осуждают только 8% респондентов¹⁶. И все же не уйти от вопроса: достаточно ли

¹³ Демографические перспективы России. С. 18.

¹⁴ Recent demographic developments in the Member States of Council of Europe. 1986. P. 66.

¹⁵ Цит. по: Население России 1996. С. 39.

¹⁶ Заикина Г.А. Либерализация половой морали и семья // Становление брачно-семейных отношений. М.: ИСЛИ, 1989. С. 59.

оснований считать эту форму альтернативой моногамии? Ни в коем случае. Ведь особый статус «зрелой части» указанного контингента женщин проистекает из нереальных (завышенных) требований к качеству партнера, зачавшего ребенка. Одним из подтверждений высказанной гипотезы могут служить данные опроса, проведенного д.с.н. Т.А. Гурко, согласно которым не менее половины матерей, родивших ребенка вне правового поля, не возражали бы против узаконения своих отношений¹⁷.

Названные здесь две модели отражают по сути статистические (точнее, демографические) параметры семьи; что же касается их качественных характеристик, то мы впоследствии воспроизведем их. Это так называемое «сожительство» (cohabit), в отечественном разговорном варианте оно обозначается как «гражданский» брак. Попросту говоря, имеются в виду нелегитимные браки.

Такие отношения были широко распространены в западном мире с начала с 70-х гг. Молодые люди в этих странах полагали, что ни любовные клятвы, ни заверения в вечной верности не делают брак устойчивым, отношения могут быть стабильными в большой мере благодаря рождению желанного ребенка. Исходя из этого, юноши и девушки предпочитают интенсивное общение, которое подразумевает и сексуальную близость, но юридически оформляют свои отношения, как правило, лишь в том случае, когда по обоюдному согласию зачинают ребенка. Так, по утверждению нашей дипломницы, большинство из опрошенных ею молодых пар (21–28 лет) считали, что рожать детей они намерены для себя через 4–5 лет. Эти сексуальные контакты, даже существующие достаточно долго, могут и не завершиться правовым закреплением.

По свидетельству французского исследователя Л. Русселя, проанализировавшего статистический материал по пяти странам (Дании, Франции, Голландии, Швеции и США), широкое распространение нелегитимных браков началось с середины 1970-х гг. В этом смысле наиболее показательны данные по Швеции и Франции. В первой стране среди мужчин 25–29 лет в 1975 г. «сожительствовавали» 21%, к 1985 г. доля подобных отношений возросла до 31%; среди женщин — соответственно 17 и 31%; во второй для той же возрастной когорты у мужчин (за 10 лет) — от 3 до 17%, у женщин — от 2 до 11%¹⁸.

---

¹⁷ Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. С. 28.

¹⁸ Roussel L. Le Famille incertaine. Paris. Editions odile Jacon. 1989. P. 1–8.

В Швеции (1981 г.) был осуществлен национальный репрезентативный почтовый опрос мужчин (выборка из 5733 человека), родившихся с 1922 по 1961 гг. Их опрашивали по поводу реального брачного статуса¹⁹. В результате удалось установить: из общего числа респондентов 59% состоят в браке, 15% — в брачноподобном сожительстве, а остальные 26% — ни в том, ни в другом. Среди сожительствующих 85% никогда не состояли в официальном браке, 14% были разведены и 1% — вдовы. Но, пожалуй, *самое главное* — то, что *сожитительство — преимущественно удел молодых* (выделено мною — С. Г.). В самом деле, его пик приходится на вторую половину третьего десятилетия жизни индивида, в последующем наблюдается резкое снижение удельного веса этих связей, а уже после 50 они составляют скорее исключение, чем правило. Точнее, из общего числа молодых мужчин, имевших сексуальные контакты, 12% состоят в браке, 88% — сожительствовали; в старших возрастных группах положение диаметрально противоположное — 98 к 2%. В связи с тем, что для многих молодых людей сожитительство предшествует заключению официального брака, то его вполне можно охарактеризовать как временную, но в большинстве случаев непременную ступень к правовому закреплению эмоционально и психологически оправдавших себя отношений.

В России не проводилось в буквальном смысле такого рода опросов. Но судить о распространенности таких сексуальных отношений вполне правомочно, по крайней мере, с 80-х гг.

Так, уже в начале 1980-х гг. мною во Дворце торжественной регистрации новорожденных в Ленинграде опрашивались супружеские пары (всего 500 человек). Среди прочих вопросов им задавался и такой: «Сколько времени вы состоите в браке?» Примерно каждая пятая пара приходила в замешательство, начинался долгий подсчет. Приходилось им помогать: «Вашему ребенку сейчас два-три месяца, прибавьте срок беременности. Таким образом, вы, по-видимому, реально состоите в браке около года. Не так ли?» — «Ничего подобного, — возражали родители, — всего несколько месяцев». Нетрудно догадаться: ребенок был зачат как минимум за несколько месяцев до юридического оформления брака. Понятно, передо мною были сожители, которые в конечном счете завершили свои сексуальные контакты правовым актом. Сколько молодых людей в то время не пришли к такому соглашению, точно сказать не берусь.

¹⁹ Frost Y. Mans Civilstand och Samboendestatus. Uppsala, 1983. S.13, 14.

Аналогичные процессы стали наблюдаться и в сельской местности, например, А. Михеева, основываясь на динамике рождений внебрачных первенцев в Сибири (Новосибирская область), регистрируемых по заявлению обоих родителей, зафиксировала существование фактических браков в самых молодых возрастах матерей (от 15 до 19 лет). По мнению большинства сожителей, они надеются когда-нибудь вступить в официальный брак, и рождение ребенка стимулирует это событие. Гипотеза была основана на том, что в данной местности матери внебрачных детей не остаются практически одинокими²⁰. В другом, более позднем исследовании А. Михеева, опираясь на «качественные» методы анализа, пришла к выводу о том, что рождение ребенка без «законного» мужа — это вовсе не результат «демонстрации женской независимости как таковой», а по большей части следствие счастливых отношений, сложившихся с партнером²¹.

Согласно Л. Поповой из Сыктывкара, омоложение внебрачной рождаемости во многом было связано с наблюдавшимся общим омоложением рождаемости, в котором немалую роль сыграло снижение среднего возраста сексуального дебюта или, проще говоря, широкая распространенность относительно ранних сексуальных практик. В связи с этим ею констатируется безусловный факт: «В последние 15–20 лет сексуальные отношения стали настолько *обыденным явлением*, что в случае, когда они происходят с будущим супругом, то [они — эти отношения] могут даже не расцениваться как сексуальный опыт до брака». Проведенный Л. Поповой в 1994 г. опрос «Семья глазами замужних женщин» показал, что 14,1% респонденток, не имевших, по их словам, добрачного опыта, тем не менее, главным мотивом создания семьи отметили «необходимость вступления в официальный брак в связи с беременностью» или «рождением ребенка». Иными словами, созданию легитимной семьи в последнее время в массовом масштабе предшествует заключение юридического брачного союза, которое будущими супругами зачастую не воспринимается как период добрачной сексуальной практики»²².

---

²⁰ Михеева А.Р. Феномен сожительства в сибирской деревне: новая форма семьи или продолжение традиций. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1994. С. 142.

²¹ Иванова Е.И., Михеева А.Р. Внебрачное материнство // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 72–76.

²² Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. С. 23.

К началу XXI в. рождение внебрачного ребенка приходилось на женщин моложе 20 лет. Конкретнее говоря, приблизительно до 60% внебрачных рождений приходилось на молодых женщин до 24 лет. И только после 35 лет уже нет заметной разницы в возрастной структуре брачной и внебрачной рождаемости. Показательно, что по совместному заявлению отца и матери в Республике Коми зарегистрировано около 50% всех рождений, при котором отец ребенка считает необходимым поддерживать его не только экономически, но и участвовать в процессе его социализации. Стало быть, формально количество адюльтерных связей не просто возросло, но приобрело новый *правственный смысл*²³.

Итак, по моему мнению, среди молодого поколения в нашей стране в дальнейшем «сожителство», или нелегитимность, будет приобретать широкое распространение. Так, согласно одному из обследований, 22,5% опрошенных респондентов не приемлет «сожителство» как таковое, но, по мере перехода от «старших» возрастов к более молодым, доля негативных суждений резко снижается. Среди лиц в возрасте 60 лет и старше их насчитывалось 47,3%, тогда как в возрасте до 20 лет — 13,8%. Тот же опрос показал, что толерантно относятся к нелегитимным отношениям молодые люди с высоким образовательным уровнем²⁴.

Моя убежденность опирается на процесс дальнейшей *либерализации общественного мнения* по поводу автономности сексуальных практик относительно прокреации (то есть ее гедонистической направленностью). Именно среди образованного и молодого поколения будут вырабатываться более разнообразные модели сексуального поведения. Какова будет эта вариабельность, мы не станем гадать — это покажет дальнейшая реальная практика.

Другая разновидность проявления немоногамной семьи — «последовательная полигамность» (*remarriage*)²⁵. Повторные браки вовсе не современное открытие. Они и в прошлом проявлялись как реакция на половозрастную асимметрию. По меньшей мере, с XVI

²³ Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. С. 26–88.

²⁴ Мацковский М., Бодрова В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // Семья в представлении современного человека. М.: ИС РАН, 1990. С. 157–163.

²⁵ В 1950 г. американский социолог Пол Лэндис, учитывая высокий процент повторных браков, ввел термин “*sequential marriage*”, имея в виду последовательную полигамию мужчин и женщин.

столетия в Англии повторные браки, по преимуществу вдовцов, составляли от 25 до 30% от общего числа заключаемых союзов. Промежуток между овдовением и вступлением в новый брак был обычно невелик. В течение одного года после смерти супруга/супруги повторный брак заключали почти половина мужчин (48%) и более трети женщин (37%). Аналогичная тенденция в XVI и XVIII вв. наблюдалась и во Франции. Здесь на протяжении нескольких веков от 20 до 33% всех браков заключались вдовцами. Безбрачие женщин, как правило, продолжалось несколько дольше, чем мужчин: до двух и более лет.

Существенные демографические перемены, происшедшие в Западной Европе в XIX веке («демографический переход»²⁶ — изменения в смертности, а затем в рождаемости) повлияли на количественные и качественные параметры повторных союзов. К примеру, если в XVI в. число повторных браков составляли примерно 30% вдов/вдовцов из числа всех заключенных союзов, то ко второй половине XIX столетия их доля снизилась до 10%. И общественное мнение теперь относится более сдержанно к «скоропалительным» бракам разведенных²⁷.

С точки зрения американского социолога Б. Адамса, повторные браки в США встречались всегда, но до истекшего столетия почти все они были следствием овдовения. Сейчас же иное положение дел: в 1900 г. 3% всех новобрачных приходилось на разведенных; в 1930 г. — 9%; в 1975 г. — 25%. В пределах пяти лет после развода $\frac{3}{4}$ бывших супругов вступают в повторный брак. При этом, по наблюдениям Б. Адамса, более склонны к последовательной полигамии черные, менее образованные и женщины с низкими экономическими доходами²⁸.

В России, хотя и с некоторым запаздыванием, эволюция модели последовательной полигамии по сути проделала европейский путь (см. табл.8).

Из представленных статистических рядов следует: а) рост за последние полтора десятилетия удельного веса повторных браков как среди мужчин, так и среди женщин; б) заключение повторных сою-

²⁶ См. об этом: *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. С. 189–199.

²⁷ *Ihinger-Tallman M., Pasley K.* Remarriage. Newbery Park: Sage Publications, 1987. P. 24–27.

²⁸ *Adams B.* The Family. A sociological interpretation. Orlando, 1986. P. 347.

зов к началу 90-х гг. стало событием, равновероятным для обоих полов; в) среди вступивших в последовательно полигамные отношения устойчива и незначительна доля вдовых. Нельзя не отметить и определенного своеобразия протекания этого процесса в зависимости от местности. Так, в Западной Сибири в конце 1950-х гг. у мужчин доля повторных браков составляла 8,2% против 7,7% у женщин, тогда как в конце 1980-х гг., соответственно, 19,6% и 22,9%²⁹. Однако к середине 1990-х в целом по стране они сравнялись.

Таблица 8

Доля повторных браков среди всех браков в России в 1980–1995 гг. (в %)

Годы/ пол	мужской		женский	
	Все повторные браки	В том числе брак разведенных	Все повторные браки	В том числе брак разведенных
1980	18,9	16,1	17,9	14,3
1985	23,8	20,7	24,6	20,1
1986	26,2	23,0	27,0	22,2
1987	27,8	24,6	27,8	22,9
1988	27,0	24,5	27,7	22,9
1989	26,6	23,5	26,3	21,7
1990	25,3	22,3	24,6	20,4
1991	25,7	22,7	25,2	20,9
1992	26,8	23,7	25,6	21,4
1993	26,0	23,2	25,3	21,3
1994	26,9	24,1	26,5	22,5
1995	27,5	25,0	27,4	23,3

Источник: Население России 1996: 68.

Подведем промежуточный итог. Мы обнаружили вариабельность в брачных отношениях. Установлены остаточные формы проявления патриархальности в сельской семье и, напротив, отмечены прогрессивные элементы в городской семье. В первой недвусмысленно зафик-

²⁹ Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1993. С. 50.

сирована «двойная» мораль, другими словами, здесь проявляется неравенство в поведении, ориентациях и ценностях мужчин и женщин. Во втором случае в большой степени обнаруживается равенство полов. Так, скажем, понятие отцовской власти чаще заменяется понятием родительского авторитета, а справедливое распределение «домашних» обязанностей становится одним из важнейших признаков семейного благополучия³⁰. Классический вопрос социологов «Кто в вашей семье чаще считается главой семьи?» заменяется вопросом «Кто принимает основные решения в семейных делах?» Конечно, проблема главенства решается по-разному даже в городских условиях.

Городская экономически независимая женщина отвечает на него как в известном анекдоте. Встречаются две подруги: новобрачная и прожившая в браке более десяти лет. Первая спрашивает вторую: «Вы так долго прожили с супругом, и у вас, тем не менее, не возникает с ним конфликтов?» «Для этого, — отвечает старшая, — надо заранее распределить обязанности! Мы с мужем поступили так: он решает все глобальные проблемы, а мелкие, повседневные — я!» — «И что же решает муж?» — спрашивает новобрачная. «Он приходит после работы и читает газету, а потом обсуждаем: будет ли война, или надолго ли затянется экономический кризис?» — «А что же делаешь ты?» — продолжает уточнять подруга. «Я решаю повседневные дела: готовлю обед, отношу белье в стирку, отвожу ребенка в садик и выполняю другие обыденные дела!»

Для современного брака характерны психологизация и интимизация супружеских отношений и их взаимопонимания, несводимость к жесткой дихотомии мужского и женского. Образованная и экономически самостоятельная женщина не может жить по домостроевским правилам. В то же время понятно, что и бытовые, как и прочие сферы жизни затрагивают женщин сильнее, чем мужчин. При этом нормативные представления и психология последних, особенно более молодых, образованных и городских мужчин, также перестраивается. Социокультурные сдвиги распространяются и на сексуальные отношения. Так, на мой вопрос, заданный в 2009 г. 180 мужчинам и женщинам с высшим образованием, состоящим в браке, проходившим переподготовку в Санкт-петербургских вузах и НИИ, по поводу: «Кто должен быть активным в сексуальном акте?» — 68,3% ответили «в равной мере мужчина и женщина», 21,3% сделали акцент на мужской активности,

---

³⁰ *Кон И.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С. 100–101.

1,7% отдали предпочтение женщинам и 8,3% затруднились ответить однозначно.

Сравнительный анализ динамики сексуального поведения мужчин и женщин за последние полстолетия показывает повсеместное резкое уменьшение мотивационных различий сексуального дебюта, числа сексуальных партнеров, проявление сексуальных инициатив, отношений к эротике вообще (см. наши данные о студенчестве за 1969, 1972 и 1995 гг.).

По словам И. Кона, сегодня социально эмансипированные образованные женщины предъявляют к мужчинам повышенные требования психологического характера, что, в свою очередь, способствует развитию у последних более сложных и тонких форм саморефлексии³¹. В то же время И. Кон в книге «Мужчина в меняющемся мире» утверждает, что мужчины заинтересованы в случайном сексе и менее обязательны в своих сексуальных установках и поведении. Женщины, напротив, более избирательны в выборе партнеров, менее заинтересованы в сексе ради секса и избирают преимущественно таких партнеров, которые могут обеспечить выживание их детям, гарантируя долгосрочную безопасность и жизнеобеспечение³².

Нечто похожее мы ощущаем сегодня и в России, некий конфликт между поколениями — старшими, которым за 60, и молодыми, 20–30-летними. Ранее адюльтер воспринимался как моральная аномалия, ортодоксальная религия считала его неприемлемым и чуждым «приличному» обществу. Человеку, вступившему на этот путь, была одна дорога, как толстовской героине — броситься под поезд. Теперь же такого рода отношения воспринимаются как норма.

---

³¹ Кстати, такое движение к сближению полов предвидел еще русский социолог начала XX столетия В.М. Хвостов.

³² Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время: 2009. С.226.